

А. Я. КОЖУРИН

Феномен русского консерватизма

Консерватизм, наряду с либерализмом и социализмом, может быть отнесен к наиболее влиятельным социально-политическим и идеологическим течениям двух последних столетий. Столкновение этих течений во многом предопределило историю Новейшего времени. Сразу необходимо оговориться, что в отечественной историографии консерватизму повезло значительно меньше, чем его оппонентам. Особенно это касается русского консерватизма. Во второй половине XIX — начале XX века тон задавали исследователи либерального направления, которые воспринимали консервативную идеологию и ее носителей в качестве своего непосредственного врага. В советский период в основу исследовательской методологии был положен марксизм, при этом многие характеристики, относящиеся к русскому консерватизму, были буквально восприняты от исследователей либерального толка. Таким образом, совместными усилиями авторов либерального и марксистского направлений создавался отталкивающий образ отечественного консерватизма. В этом же ключе работали и западные исследователи консерватизма в России.

Имманентная традиция интерпретации русского консерватизма начала складываться в позднесоветский период. Это, разумеется, не значит, что прежде не появлялись работы, посвященные отечественному консерватизму, написанные его адептами. Такие работы, безусловно, были, но не сложилось историографической традиции. В этом отношении важнейшую роль сыграли В. В. Кожин и его единомышленники, не побо-

яввшиеся бросить вызов сложившимся стереотипам. Их усилиями в 80-е годы прошлого столетия начали выходить работы, в которых идейные установки русских консерваторов оказались удивительно созвучными современности. Своеобразное табу, существовавшее долгое время, было снято. Читатель наконец стал искать в наследии классиков отечественного консерватизма ответы на волновавшие нашу страну вопросы.

За два последних десятилетия русскому консерватизму было посвящено множество монографий, научных статей, диссертационных исследований. Проанализированы основные этапы развития консервативных концепций в России*. Появились работы, в которых интерпретировались религиозно-философские основания**, философско-исторические установки***, социально-антропологическая тематика русского консерватизма****, давался сравнительный анализ отечественной и западной традиций консерватизма*****. Мы уже не говорим о публикациях, посвященных отдельным персоналиям. Опираясь на эти исследования, попытаемся проанализировать специфику русской консервативной традиции.

* Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000; Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003; Митрохин Н. А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003; Лебедев С. В. Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб., 2004; Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М., 2006; Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013; Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015.

** Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма в России. М., 2004.

*** Пушкин С. Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Н. Новгород, 1998; Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: очерки русской историософии. М., 2007; Тяпин И. Н. Философско-исторические идеи российского консерватизма XIX — начала XX в. Вологда, 2008.

**** Кожурин А. Я. Проблема человека в философии русского консерватизма. СПб., 2005.

***** Мочкин А. Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX — начале XX века). М., 1999; Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002.

* * *

Большинство исследователей рассматривает европейский консерватизм как идейную реакцию на Великую французскую революцию. Именно отсюда ведут свою генеалогию две основные линии западноевропейского консерватизма XIX века — либеральная (Э. Берк) и традиционалистская (Ж. де Местр, Л. де Бональд). С. С. Аверинцев писал, что «самый феномен проведенного через рефлекссию, претворенного в идеологию или антиидеологию воинствующего консерватизма... без опыта Революции невозможен. В дореволюционной Франции, в дореволюционной Европе голоса энциклопедистов и Руссо звучали, вызывая время от времени бессильные полицейские меры или столь же бессильные нападки, но никем или почти никем по существу не оспариваемые. Лишь по эту сторону черты, раз и навсегда проведенной 1789, 1793 и 1794 годами, оказался возможен содержательный спор между идеологией и — антиидеологией, между утопией — и антиутопией. Это спор, все новые глубины которого непрерывно разverzаются, составляя драматическую интригу умственной жизни в продолжение последних двух веков, — и конца ему не видно. Для удобства злободневной полемики Революция предпочитала видеть в своих оппонентах людей вчерашнего дня. С гораздо большим правом она могла бы, напротив, утверждать, что сама заново создала своих оппонентов, разбудила их, вывела из исторической инерции, принудила их привести в порядок свои резоны»*.

Данная точка зрения вполне уместна и при исследовании генезиса русского консерватизма. Действительно, его отцы-основатели были яростными оппонентами идей Французской революции. Но в нашем случае необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство, которое не могло не наложить отпечаток на воззрения отечественных консерваторов. Речь идет о петровских реформах. Несмотря на апологетическую оценку этих реформ, характерную для большинства русских авторов XVIII столетия (вспомним сравнение Петра I с Богом в произведениях М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина), в последние десятилетия этого века в их адрес начинают звучать

* Аверинцев С. С. «Но ты, священная свобода...». Отзвуки Великой французской революции в русской культуре // Новый мир. 1989. № 7. С. 185.

и критические оценки. Достаточно упомянуть знаменитое сочинение князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», а также пассажи из «Записок» княгини Е. Р. Дашковой, в которых Екатерине II отдается явное предпочтение перед Петром I (данной точки зрения придерживается Н. М. Карамзин и такой его убежденный последователь, как либеральный консерватор князь П. А. Вяземский). В петровских реформах увидели нечто, подобное революции, а самого царя уже в XIX веке стали уподоблять якобинцам. В следующем же столетии Петра, за большей актуальностью, будут сравнивать с большевиками.

Первые годы правления Александра I, воспитанного на идеалах Просвещения и отдававшего предпочтение республике перед монархией, ознаменовались изменениями в разных областях жизни Российской империи. Наиболее значимые из предполагавшихся реформ, призванных внести конституционные элементы в государственное устройство России, традиционно связываются с именем М. М. Сперанского. В сознании современников именно его деятельность знаменовала новые веяния во внутренней политике империи.

Впрочем, «дней Александровых прекрасное начало» было таковым далеко не для всех современников. Например, граф Федор Васильевич Ростопчин (1763 или 1765–1826) и Александр Семенович Шишков (1754–1841), занимавшие видные посты в предыдущее царствование, в новой ситуации оказались не у дел. Но они не стали сидеть сложа руки*. В качестве альтернативы официальному правительственному курсу начинает оформляться «русская партия», или партия «старых русских». Выявляя истоки отечественного консерватизма, необходимо назвать два главных организационных центра этой «партии». Первым из них стала знаменитая «Беседа любителей русского слова», организованная в 1807 году вице-адмиралом А. С. Шишковым и Г. Р. Державиным. Среди членов «Беседы»

* Можно вспомнить, что отцы-основатели европейского консерватизма также не были склонны к квиетизму. Характеризуя их установки, К. Шмитт писал: «Все основатели контрреволюционных теорий, Берк, де Местр и Бональд, были активными ответственными политиками, они годами находились в жесткой и энергичной оппозиции к своему правительству, они считали, что нельзя быть выше политической борьбы, но необходимо решаться на то, что считаешь справедливым» (Шмитт К. Политический романтизм. М., 2015. С. 199).

мы видим А. С. и Д. И. Хвостовых, И. С. Захарова, адъютанта императора П. А. Кикина, И. А. Крылова и других видных деятелей этой эпохи. Еще одним средоточием недовольных стал тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. Желанными гостями этого салона были Ф. В. Ростопчин и Н. М. Карамзин. Любимая сестра императора, «тверская полубогиня», способствовала налаживанию контактов между своим августейшим братом и отцами-основателями русского консерватизма. Эти меры сыграли важную роль в идейной и организационной мобилизации русского общества в преддверии решающей схватки с силами объединенной под властью Наполеона Европы.

Как это часто у нас бывает, реформы Александра I свелись к административному упорядочению существующего режима, усилению бюрократии. Исполнено глубокого смысла то обстоятельство, что первая серьезная критика реформационной деятельности Сперанского и его венценосного патрона прозвучала «справа». Этим критиком оказался человек, которого можно назвать одним из основоположников консервативного направления в русской общественной мысли. Речь идет о Николае Михайловиче Карамзине (1766–1826) и его знаменитой «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанной в 1811 году. В ней великий историк подверг резкой критике всю внутреннюю и внешнюю политику Александра I, доказывая, что просвещение народа важнее административной «стройности», к которой реально и сводились реформы. «Записку о древней и новой России» многие исследователи рассматривают как наиболее полный и разработанный проект русской консервативной мысли первой четверти XIX века.

Начавшаяся в 1812 году Отечественная война стала звездным часом для двух из рассматриваемых нами деятелей — А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина. Шишков занял пост государственного секретаря, освободившийся после опалы Сперанского. Именно перу нового государственного секретаря принадлежали официальные манифесты, выходившие в это время. Ростопчин был назначен московским генерал-губернатором, ему также был присвоен титул московского главнокомандующего. Любопытно, что в письме к императору от 11 июня 1812 года Ростопчин сформулировал принципы русской геостратегии

в начинающемся противостоянии с силами практически всей континентальной Европы: «Ваша империя имеет двух могущественных защитников в ее обширности и климате. Шестнадцать миллионов людей исповедуют одну веру, говорят на родном языке, их не коснулась бритва, и бороды будут оплотом России. Кровь, пролитая солдатами, породит им на смену героев, и даже если бы несчастные обстоятельства вынудили Вас решиться на отступление перед победоносным врагом, и в этом случае император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске»*. Необходимо сказать, что данные мысли произвели сильное влияние на Александра I, который даже в самые трудные дни войны отказывался от любых попыток компромисса с Наполеоном.

На посту генерал-губернатора Ростопчин совершил свое самое знаменитое деяние — поджог Москвы в сентябре 1812 года — во время оккупации французами. Так, во всяком случае, считали современники, включая сюда и императора Франции, объявившего московского генерал-губернатора своим личным врагом. После разгрома Наполеона Ростопчин превратился в знаменитость европейского масштаба — он был желанным гостем монархов и парижских аристократических салонов. Неожиданно он написал брошюру «Правда о пожаре Москвы» (1823), которая была опубликована в России и во Франции. В ней Ростопчин отрекся от участия в этом поджоге, чем поставил в недоумение не только современников, но и потомков. Споры о степени причастности генерал-губернатора к пожару во вверенном ему городе идут до сих пор.

Возвращение в 1814 году Александра I из заграничного похода было ознаменовано отставкой консерваторов со своих постов. Были уволены А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, а также И. И. Дмитриев (близкий друг и сподвижник Н. М. Карамзина), занимавший пост министра юстиции. За прежние заслуги они были назначены членами Государственного совета, но их влияние на реальную политическую жизнь резко снизилось. Карамзина ждал триумф в качестве автора «Истории государства Российского», хотя многие либералы, включая в их число

* Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с франц., примеч. А. О. Мещеряковой; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 527.

и будущих декабристов, были недовольны схемой апологетики самодержавной власти, которая легла в основу этого произведения. Адмирал Шишков пережил своих единомышленников по консервативному лагерю на полтора десятилетия, и его ждал очередной карьерный виток. Еще в 1813 году Шишков стал президентом Российской академии и занимал этот пост до самой смерти. А с 1824 по 1828 год он был министром народного просвещения и главой цензурного ведомства.

А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин и Н. М. Карамзин внесли значительный вклад и в разработку концептуальной составляющей отечественного консерватизма, и в русскую культуру в целом. Более того, именно деятели консервативного направления сыграли исключительную роль в идеологическом и организационном противостоянии наполеоновскому нашествию. В дальнейшем их наработки будут творчески развиваться последующими поколениями русских консерваторов. Считается, что принципы, сформулированные Н. М. Карамзиным, легли в основу политики Николая I, которая отличалась от политики его предшественника несравненно большей последовательностью и предсказуемостью*.

* * *

Царствование Николая I в 1825 году началось с мятежа декабристов. Несмотря на то что движение декабристов многими своими чертами напоминает деятельность дворянских заговорщиков предыдущего столетия, это было принципиально новое на русской почве явление. Декабристы ставили своей целью не просто устранение неудобной персоны монарха, но принципиальное изменение социально-политической системы Российской империи. Другое дело, что позитивная часть их программы была весьма размытой, являя разновекторные проекты — от откровенного бонапартизма П. И. Пестеля до планов по искусственной федерализации России Н. М. Муравьева. Тем не менее два важных требования звучали практически во всех декабристских программах — отмена крепостного права и ограничение самодержавия.

* Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 193; Высколков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 135.

На эти требования новым властям необходимо было найти убедительный ответ. Крепостное право представлялось несомненным злом не только декабристам и либералам той эпохи, но также Александру I и его окружению, включая сюда и знаменитого графа А. А. Аракчеева. Точно так же воспринимал его и Николай I. Между тем, говоря об экономическом аспекте, основанное на крепостном труде хозяйство вовсе не переживало кризиса. Наоборот, своей максимальной эффективности, как показал еще П. Б. Струве, оно достигло в середине XIX века. Это подтверждают и современные исследователи проблемы — как отечественные, так и зарубежные. Отмена крепостного права мотивировалась не экономическими, а политическими обстоятельствами. На протяжении всего своего царствования Николай I готовил организационно-правовую базу, которая позволила бы безболезненно осуществить ликвидацию крепостничества. В том, что его преемнику удалось быстро и без особых эксцессов осуществить отмену крепостного права, несомненная заслуга Николая Павловича.

С самодержавием дело обстояло иначе. В своих замыслах по его уничтожению декабристы не имели сколько-нибудь серьезной поддержки в обществе. Но декабристы, в отличие от русских заговорщиков XVIII столетия, опирались на определенную идейную базу. Если их предшественники стремились заменить не устраивавшую их персону на царском троне, то мятежники 14 декабря собирались изменить устои империи. Столкнувшись с идеологически подкованным соперником, высшая власть поняла необходимость дать идейное обоснование самой себя. Как пишет современный исследователь, «именно в царствование Николая I правительство осознало необходимость идеологического оправдания своей деятельности (то, в чем ранее в самодержавном государстве не возникало потребности)»*.

Интересующая нас эпоха — важнейший этап развития консервативных идей в России. На это время пришлось творчество А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, М. П. Погодина и С. П. Шевырева, Ф. И. Тютчева и А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и Ю. Ф. Самарина. Все они внесли свой вклад в развитие установок отечественного консерватизма, заслуги каждого из них

* Лебедев С. В. Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб., 2004. С. 60.

несомненны. Но, безусловно, центральной фигурой этого процесса был министр народного просвещения — Сергей Семенович Уваров (1786–1855). Именно ему принадлежит знаменитая формула «Православие, самодержавие, народность», которую некоторые исследователи даже обозначили как «формулу русской культуры».

Нельзя забывать, что предыдущая концепция государственного уровня, «Москва — Третий Рим», была сформулирована еще в начале XVI века и имела ярко выраженный религиозный характер. За время, прошедшее с ее появления, Россия пережила ряд судьбоносных событий: пресечение династии Рюриковичей, Смутное время, церковный раскол, петровские реформы и т. д. При этом необходима была формула, которая не только схватывала наиболее важные аспекты национального бытия, но и легко запоминалась. Если хотите, то она должна была иметь лозунговый характер. Как, например, лозунг Французской революции: «Свобода, равенство, братство». Современный исследователь указывает, что «уваровская формула стала первой, по-настоящему светской доктриной в России, не только регулирующей образовательную политику властей, но и совершенно выражающей основания русской цивилизации, российской государственности»*.

Теперь рассмотрим, как компоненты формулы Уварова преломились в русской культуре той эпохи. В царствование Николая I особый упор делался на ее второй составляющей — самодержавии. В докладной записке, поданной императору, С. С. Уваров указывал: «Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный. Эту истину чувствуют неисчислимое большинство между русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении, и в образе мыслей, и в отношениях к правительству»**.

Действительно, необходимость в России самодержавной формы правления отстаивали не только представители власти,

* Соколов А. М. Национальная традиция: Стиль и структура. СПб., 2010. С. 128.

** Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 105; ср.: Там же. С. 135.

но и независимые мыслители. В программной работе «Взгляд русского на современное образование в Европе» С. П. Шевырев писал: «Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такой гармонией своего политического бытия, как наше отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни и в тяжелой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему»*. Параллельно нечто подобное высказывали друг и единомышленник автора только что приведенных строк — М. П. Погодин и их постоянный оппонент — Т. Н. Грановский.

Не осталось без внимания консервативных теоретиков и православие. Этому благоприятствовали и личные религиозные чувства императора. Если его старший брат и предшественник, Александр I, был склонен к мистике, принявшей в его восприятии форму внеконфессионального христианства, то для Николая Павловича мистические искания были нехарактерны. Он вполне удовлетворялся церковным учением. Показательно, что именно на правление Николая I пришлась основная деятельность двух крупнейших православных богословов XIX столетия — митрополита Филарета (Дроздова) и А. С. Хомякова.

Что касается «народности», то здесь дело обстоит не так просто. Известный историк первой четверти XX века А. Е. Пресняков писал, что «царствование Николая I — золотой век русского национализма»**. Это, разумеется, сильное преувеличение. Император прекрасно отдавал себе отчет, что является правителем многонационального и поликонфессионального государства. Отсюда — стремление избегать выпячивания национальных аспектов на первый план. Кроме того, события 14 декабря

* Москвитянин. 1841. № 1. С. 293. Шевырев, несомненно, имеет в виду не только серию революций, которые сотрясали Запад начиная с 1789 года, но и теорию классовой борьбы. Эта теория, как известно, была отчетливо выражена в произведениях французских историков эпохи Реставрации, а позднее заимствована у них марксистами. По-своему откликнулся на данную теорию и М. П. Погодин в работе «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (см. наст. изд., с. 153–166).

** Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 268.

1825 года обнаружили нелояльность по отношению к царской власти значительной части русского дворянства. Казни и ссылки, которым подверглись декабристы, не способствовали популярности нового императора в этой среде. Николаю Павловичу в значительной мере пришлось опираться на прибалтийских немцев, отличавшихся верностью правящей династии. Это, в свою очередь, вызывало новую волну недовольства русских дворян.

Но, разумеется, дело не только в политической конъюнктуре или личных симпатиях императора. Само понятие народности на русской почве было внове, его предстояло еще прояснить. За это дело принялись различные течения отечественной социально-политической мысли. Исследователи насчитывают несколько трактовок народности в николаевскую эпоху. Это, во-первых, та трактовка, которую дали представители «династического национализма» (Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и О. И. Сенковский). Следующая интерпретация этого понятия принадлежала идеологам «официальной народности» (М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Н. Г. Устрялов). Еще одну линию в понимании народности представляли славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков). И наконец, истолкование этого понятия дали западники (Т. Н. Грановский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен), развивавшие свои концепции в двух «толстых» журналах — «Отечественных записках» и «Современнике»*.

Отношение власти к этим течениям было непростым. Слишком уж политизированным было понятие народности. Известно, что Николай I настороженно относился к любой самодеятельности в сфере политики. С этим связаны те неприятности, которые пришлось пережить славянофилам в последние годы его царствования. Как известно, в 1848–1849 годах по Европе прокатилась волна революций. Русские власти не только приняли активное участие в подавлении венгерской революции, но и принялись затягивать гайки внутри страны. Особое опасение вызывала проповедь панславизма, который расшатывал устои соседних империй — Австрийской и Османской, но также угрожал территориальной целостности Российской империи.

* Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб., 1999. С. 121–128.

Например, в 1847 году в Киеве было раскрыто Кирилло-Мефодиевское общество, чьи участники (Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров) под видом панславизма развивали идею украинского сепаратизма. Деятельность этого общества вызвала негодование не только власть имущих, но и представителей оппозиционной общественности (весьма показательно письмо В. Г. Белинского П. В. Анненкову).

С еще большим размахом действовали польские сепаратисты. Любопытно, что первые пять лет правления Николай Павлович был не только Всероссийским самодержцем, но и конституционным монархом*. Речь идет о Царстве Польском, где милостью Александра I действовала конституционная хартия, периодически собирался парламент (сейм), существовала независимая от центральных властей судебная система и была собственная армия. Благодаря включенности в общеимперское пространство интенсивно развивалась местная экономика и, следовательно, росло благосостояние населения. Тем не менее в воображении поляков периодически маячила идея воссоздания Речи Посполитой, «Польши от моря до моря». В 1830 году, воспользовавшись, как им показалось, благоприятной внешнеполитической конъюнктурой (революциями во Франции и Бельгии), поляки устроили восстание. Этому способствовало и невразумительное поведение великого князя Константина Павловича, являвшегося наместником Царства Польского. В результате России пришлось силой подавлять польское восстание, на глазах у преисполненной русофобских настроений Европы. В это время начал проявляться и раскол общественного сознания в России, обозначенный уже мятежом декабристов. Если В. А. Жуковский и А. С. Пушкин приветствовали победу русского оружия изданием сборника стихотворений, то князь П. А. Вяземский обозвал эти стихи «шинельными» и демонстративно дистанцировался от своих друзей.

Вернемся, однако, к С. С. Уварову, который был центральной фигурой отечественного просвещения в 30–40-е годы. Он занимал посты президента Императорской академии наук (1818–1855) и министра народного просвещения (1833–1849). За деятельность на ниве просвещения он в 1846 году был удостоен

* См.: Кизеветтер А. А. Император Николай как конституционный монарх // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 402–418.

графского титула. В молодости Уваров получил блестящее образование, общался и находился в переписке с рядом выдающихся деятелей европейской культуры своего времени (И.-В. Гете, Ф. Шлегелем, Ж. де Сталь), оказавших сильное влияние на формирование его мировоззрения. Наиболее авторитетными отечественными мыслителями для будущего министра народного просвещения были Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский, несмотря на то что современники, да и не только современники, воспринимали их в качестве антиподов.

Еще в эпоху Александра I С. С. Уваров занимал пост попечителя петербургского учебного округа, а в 1818 году он стал президентом Петербургской академии наук, которую и возглавлял вплоть до смерти. Новый президент попытался изменить образ Академии в глазах общества, назначая ее почетными членами уважаемых людей, как соотечественников, так и иностранцев. Показательно, что первым из них был Н. М. Карамзин. В 1832 году С. С. Уваров был назначен сначала товарищем министра народного просвещения, а год спустя — министром, продержавшись на данном посту шестнадцать лет, что было своеобразным рекордом. С. С. Уваров не был простым функционером, он с энтузиазмом принялся за работу на новом месте, причем подвел под свою деятельность серьезную теоретическую базу. Основой практической деятельности министра на ниве отечественного просвещения служила своеобразная концепция исторического процесса, разработанная им еще в 1810-е годы.

Можно обнаружить ряд точек соприкосновения между философией истории С. С. Уварова и идеями Гегеля, изложенными в его знаменитых лекциях, читанных в Берлинском университете в 1820-е годы. Уваровская концепция характеризовалась верой в прогресс, он рассматривал историю как бесконечную цепь, где каждое поколение строит свое здание на достижениях предшественников («закон поступательного развития»). Его концепция примыкает также к органическим теориям общества, весьма популярным в западной и русской мысли XIX века. Наконец, необходимым элементом историософских воззрений Уварова была вера в Провидение, которое оказывает влияние на все «действия и покушения» человеческого ума, причем это влияние тайное, чтобы ни один человек не мог ведать, что он лишь «слепое орудие в руках Промысла».

В основу своей политики на посту министра просвещения С. С. Уваров положил два принципа. Первым из них был правительственный контроль, позволявший обеспечить политическую стабильность и направлявший образованные силы туда, куда требовалось государству. Второй принцип — сохранение классовых барьеров ради неизменности существующего социально-политического строя. Впрочем, справедливости ради, заметим, что подобные принципы в то время лежали в основании не только русской системы образования, но и европейской (в Англии, во Франции, многих германских государствах и др.). Кроме того, воспитание элиты — важнейшая задача любой образовательной системы, с которой, собственно говоря, и должно начинаться ее функционирование.

Следует признать, что министерство графа Уварова — наиболее плодотворный этап деятельности правительственной интеллигенции на ниве отечественного просвещения. Это был «золотой век» отечественных университетов, — вспомним хотя бы знаменитые публичные лекции в Московском университете, читанные Т. Н. Грановским, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным. Именно усилиями Уварова были образованы школы ориенталистики и славистики европейского уровня, создавались государственные архивы, в России произошел своеобразный археологический бум. Резко возрос уровень преподавания в средних учебных заведениях, крупные успехи были достигнуты в естественных науках и техническом образовании. Вообще можно сказать, что в «эпоху Уварова» произошел качественный скачок уровня образования.

Впрочем, в деятельности С. С. Уварова необходимо видеть и целый ряд отрицательных моментов. В 1835 году была ограничена университетская автономия: теперь профессора назначались министерством без согласования с учеными советами. Была повышена плата за обучение, что сделало невозможным получение хорошего образования выходцами из небогатых семей. В 1836 году было объявлено временное запрещение на открытие новых периодических изданий. Не пошел на пользу С. С. Уварову и конфликт с А. С. Пушкиным, написавшим на него ряд эпиграмм («На выздоровление Лукулла», «В Академии наук»), которые надолго определили репутацию министра просвещения.

Завершая разговор о бытовании консервативных идей в николаевскую эпоху, нельзя не затронуть событий Крымской войны. Ее неудачный для России ход и финал испортили репутацию Николая Павловича. Все блистательные победы, одержанные под его руководством, померкли в глазах современников и потомков. Между тем в середине XIX столетия «Россия была или казалась властительницей европейского материка. „Император Николай — господин Европы, — писал принц Альберт владетельному герцогу Саксен-Кобургскому, — Австрия — его орудие, Пруссия одурачена, Франция — ничтожество, Англия — меньше нуля“. Со своей стороны, доверенный короля Леопольда барон фон Штокмар констатировал, что Николай занял место Наполеона I: „только Наполеон вел войны, чтобы диктовать законы Европе, а Николай поддерживает свою диктатуру угрозами“»*.

Подобная ситуация раздражала европейскую политическую элиту, и результатом этого стало создание антирусской коалиции, объединившей заклятых врагов — Англию и Францию, поддержавших Турцию. К коалиции примкнуло Сардинское королевство, которому Наполеоном III была обещана помощь в борьбе с Австрийской империей. Последняя, забыв благодеяние, оказанное ей за несколько лет до этого Россией, оказалась в состоянии враждебного нейтралитета. Если сложить военный, экономический и людской потенциал, то вся эта коалиция намного превосходила нашу страну. Война была явно неравной, а поражение в ней не выглядело чем-то сверхъестественным. Другое дело, что предыдущие полтора столетия приучили наших соотечественников к череде непрерывных триумфов, которыми обыкновенно заканчивались для России военные кампании.

* * *

Закончившаяся для России неудачно война выявила множество накопившихся проблем. Главной из них, несомненно, было крепостное право. Мы уже говорили, что серьезная подготовка к отмене крепостного права началась в царствование Николая

* История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. 2-е изд., доп. и испр.; под ред. проф. Е. В. Тарле. Т. 6. М., 1938. С. 65.

Павловича. Именно тогда, при деятельном участии С. С. Уварова, были подготовлены кадры чиновников, которые и осуществили ликвидацию крепостничества при Александре II. Между тем это мероприятие было грандиозно. Оно касалось трети населения — примерно 23,1 млн человек из 62,5 млн, населявших тогда Российскую империю. Для сравнения вспомним, что отмена рабства в США предполагала освобождение 4 млн человек. Это мероприятие, происходившее параллельно, закончилось самой кровопролитной войной в истории этого государства.

Шестидесятые годы XIX века недаром были названы эпохой «Великих реформ». Параллельно с отменой крепостного права осуществлялся еще целый ряд реформ — судебная, военная, местного самоуправления. Социально-экономический и политический ландшафт Российской империи менялся буквально на глазах, но особенно разительные трансформации претерпевало общественное сознание. На рубеже 50–60-х годов оно резко сместилось влево — в сторону либеральных и даже социалистических установок. Колоссальной популярностью пользовался «Колокол», издававшийся в Лондоне А. И. Герценом. Его внимательно читали даже в Зимнем дворце. В подцензурной периодике активно публиковались Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и их единомышленники. Они призывали читателей к сокрушению государственных и религиозно-нравственных устоев. Любые предостережения об опасности подобных призывов воспринимались «прогрессивной общественностью» в штыки*.

Одним из немногих, кто в этих условиях сумел сохранить ясность мысли и независимость суждений, был Борис Николаевич Чичерин (1828–1904). Выдающийся философ и правовед еще в 1858 году написал «Письмо к издателю „Колокола“», в котором обозначил основные пункты своего расхождения с установками А. И. Герцена. В 1862 году в газете «Наше время» Б. Н. Чичерин публикует концептуальную работу «Что

* В том, что левые не прощают любой критики в свой адрес, смог убедиться начинающий в то время писатель и публицист Н. С. Лесков. Стоило Лескову опубликовать в 1862 году статью, в которой он задавался вопросом о виновниках столичных пожаров, как перед ним захлопнулись двери практически всех «толстых» журналов. Этот бойкот продолжался не одно десятилетие.

такое охранительные начала» (тогда же она войдет в сборник «Несколько современных вопросов»), где достаточно четко выражены идеи либерального консерватизма. В дальнейшем развитии русской социально-политической мысли данное течение займет свое законное место*.

Настоящий перелом в общественном сознании, впрочем, наступил в следующем — 1863 году. Он был спровоцирован очередным восстанием, вспыхнувшим в Царстве Польском и перебросившимся на граничившие с ним территории. Невразумительная политика центральных властей, представленных в Польше великим князем Константином Николаевичем, давала шанс польским сепаратистам, которым они не замедлили воспользоваться. Начались массовые убийства русских солдат, чиновников и мирных жителей. Мятежники не щадили даже своих соотечественников, заподозренных в лояльности русским властям. Герцен в «Колоколе» полностью солидаризировался с польскими бунтовщиками. Все это осложнилось вмешательством западных стран, которые потребовали от России проведения международной конференции по устройству Польши. В Петербурге царили панические настроения — с потерей этнической Польши уже смирились, но боялись, что восставшие шляхтичи отнимут у России белорусские и украинские земли.

Ситуация была взята под контроль усилиями двух человек, превратившихся благодаря этому в культовые фигуры русского консерватизма. Первым выступил Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — издатель газеты «Московские ведомости». Ему удалось мобилизовать общественное мнение и вдохнуть силу воли в верховную власть. В результате великий князь Кон-

* Последующая эволюция воззрений Б. Н. Чичерина шла в сторону их заметного polevenia. В этой связи позволим себе привести характеристику, данную ему Е. М. Феоктистовым: «Это был человек отлично образованный и с большими способностями; можно было предположить, что ему предстоит блестящая карьера...» При этом надо иметь в виду, что сам Чичерин явно не хотел ограничиваться научной работой, он стремился быть общественным деятелем. Это, однако, ему не удалось. «Почему так? Едва ли не по той причине, что он был не столько умен, сколько талантлив, что, во всяком случае, ум его был доктринерский, относившийся к явлениям общественной жизни чисто теоретически, а потому и бесплодный; много вредило также Чичерину непомерное его самомнение» (Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 108).

стантин Николаевич был отстранен со своего поста, а наместником в Северо-Западном крае был назначен генерал М. Н. Муравьев. М. Н. Муравьеву, прекрасно разбиравшемуся в специфике вверенной ему территории, удалось, благодаря умелому сочетанию административных и силовых методов, сравнительно быстро восстановить порядок. Деятельность М. Н. Муравьева, которому был присвоен титул графа Виленского, была встречена в России неоднозначно: патриотически настроенная часть общественного спектра (а к нему принадлежали Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков и многие другие) чествовала его как национального героя, оппозиционная — приклеила ему ярлык «Вешателя». Власть, почувствовавшая временное облегчение, тут же постаралась отставить героя в сторону, но вновь возникшее форс-мажорное обстоятельство — выстрел Каракозова в Александра II — вновь выдвинуло М. Н. Муравьева на первый план. Смерть, однако, помешала графу Виленскому совершить серьезный разворот внутренней политики Империи*.

Подлинным триумфатором в сложившейся ситуации оказался М. Н. Катков. Этому, помимо политической ситуации, способствовала и сама личность великого издателя. Л. А. Тихомиров писал, что «сила Каткова создавалась редкою комбинацией личных способностей: прозорливый политик, он был искусным организатором, являлся писателем необычайного таланта и обладал исключительною энергией. Сочетанием этих дарований М. Н. Катков только и мог, не занимая никакого официального положения, являться в течение более 30 лет могущественным государственным деятелем, подчас затмевавшим значение министров**». М. Н. Каткову, являвшемуся, помимо «Московских ведомостей», издателем журнала «Русский вестник», многим обязана русская литература. Почти всё, вошедшее в ее золотой фонд (произведения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, К. Н. Леонтьева, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и др.), увидело свет на стра-

* См. статьи В. В. Розанова «Был ли жесток М. Н. Муравьев-Виленский?» (Розанов В. В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб., 2009. С. 483–485) и Л. А. Тихомирова «Варшава и Вильна в 1863 году» (Тихомиров Л. А. Личность, общество и Церковь. Минск, 2010. С. 392–415).

** Тихомиров Л. Двадцатипятилетие кончины М. Н. Каткова // Московские ведомости. № 168. 20 июля 1912.

ницах «Русского вестника». Таким образом, русских консерваторов интересовала не только сиюминутная политическая конъюнктура, но и долгосрочная культурная политика.

На протяжении долгого времени М. Н. Катков вел борьбу с идеологией нигилизма и русофобии. Наиболее последовательное освещение в его публицистических работах получила проблема государственной власти в России. М. Н. Катков был убежденным сторонником самодержавия, этой своей идее он не изменял никогда. Могли меняться общественные пристрастия, престол занимали разные монархи, но редактор «Московских ведомостей» оставался верен раз и навсегда выбранному идеалу правления. Его он всегда обозначал как «единственный царский путь». Обратной стороной подобного отношения к власти была критика парламентаризма и конституционализма, которую с блеском проводил в своих изданиях М. Н. Катков. Речь в первую очередь шла о парламентаризме и конституционализме в России, хотя выдающийся публицист подмечал и слабые стороны политических систем западных стран.

Только проблемой государственного устройства политические интересы М. Н. Каткова не ограничивались. Важнейшее значение он придавал реформированию системы образования. М. Н. Катков неразрывно связывал реформу системы образования с реформированием всей социально-политической жизни России. Данной проблематике на протяжении десятилетий выдающийся публицист посвятил множество передовиц в «Московских ведомостях». Так, в одной из статей 1871 года он указывал: «Учебная реформа не есть случайный придаток к другим реформам, так глубоко изменившим все условия нашего быта. Она тесно связана с ними, как душа с телом. По успешном совершении, она послужит самым верным ручательством за прочность всех нынешних созиданий в нашем Отечестве, она послужит живым свидетельством, что нынешнее преобразование России не ограничивается поверхностью, но касается сущности и идет в глубину»*.

М. Н. Катков был убежден, что именно изучение классических языков поможет в решении важнейших задач — воспитания будущей элиты и нейтрализации нигилистических тенденций, обозначившихся в жизни реформирующейся России.

* Катков М. Н. Империя и крамола. М., 2007. С. 159.

Школа, указывал теоретик консерватизма, должна содействовать воспитанию ума, а изучение языков, особенно древних, дисциплинирует ум, отвлекает ученика от нерациональной траты времени. Кроме того, гимназия — начало высшего образования, она подготавливает юношество к обучению в университете. Каткову вторил граф Д. А. Толстой, ставший в 1866 году министром народного просвещения: «Я постараюсь, чтобы из гимназий выходили не самонадеянные верхогляды, все знающие и ничего не знающие, но молодые люди, скромные и солидно образованные»*.

Чтобы продемонстрировать достоинства классического образования, М. Н. Катков, вместе П. М. Леонтьевым, в 1868 году основали Императорский лицей имени цесаревича Николая. В основу учебной программы было положено преподавание древних языков — латыни и древнегреческого. Четыре года спустя при лицее открылась бесплатная учительская семинария. В 1870 году Катков в сотрудничестве с графом Д. А. Толстым разработали новый гимназический устав, отводивший до 40 % учебного времени изучению классических языков. Выпускник гимназии получал право поступления в университет без экзаменов, которого были лишены окончившие другие учебные заведения. От последних требовалась сдача экзамена по древним языкам, что большинству из них представлялось неразрешимой задачей.

Эпоха Александра II — «золотой век» русской культуры. Наши великие романисты создают в это время величайшие произведения в истории жанра (включая «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых»), композиторы (представители «Могучей кучки» и П. И. Чайковский) выводят на мировой уровень русскую музыку, интересные тенденции обнаруживаются в живописи («передвижники»). Именно в эту эпоху публикуются фундаментальные труды отечественных консерваторов. В 1869 году выходит журнальный вариант «России и Европы» Н. Я. Данилевского (отдельное издание увидело свет двумя годами позднее). Эта великая книга стоит у истоков культурно-цивилизационного направления в современной философии истории и культурологии. В 1875 году был опубликован труд К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство». В 1870-е годы Ф. М. Достоевский издает

* Цит. по: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 314.

знаменитый «Дневник писателя» — принципиально новую форму общения с читателем. Параллельно публикуют свои труды Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, Р. А. Фадеев, князь В. П. Мещерский и другие представители русского консерватизма.

К концу 70-х годов Александр II и его окружение решили, что Россия уже достаточно обустроена и с дальнейшими реформами можно повременить. Между тем нигилистические настроения в русском обществе нарастали. Отечественная интеллигенция все более проникалась социалистическими идеями. Начались знаменитые «хождения в народ». Когда же сам народ воспринял данное движение в качестве барской блажи и начал сдавать пропагандистов в полицию, наиболее радикальные представители интеллигенции обратились к методам террора. Под пули и ножи террористов попадали представители власти — генерал-губернаторы, представители жандармского корпуса и др. Активность террористов подозрительным образом совпала с внешнеполитическим давлением на Россию. Вспомним, что в 1877–1878 гг. шла очередная война с Турцией и русская армия в это время приближалась к Константинополю. Западные страны, особенно Великобритания, допустить этого никак не желали. «Англичанка гадит» — комментировали ситуацию простые русские мужики.

Совместными усилиями западных держав и отечественных революционеров военная победа не переросла в политико-дипломатический триумф России. Но своих целей внутри страны ниспровергателям устоев добиться не удалось — власть не пошла на созыв Учредительного собрания и введение конституции. Тогда главной целью террористов становится Александр II. При полном попустительстве общественного мнения и явном разгильдяйстве правоохранительных органов (в этом несомненна вина министра внутренних дел — графа М. Т. Лорис-Меликова, получившего прозвище «бархатного диктатора») на императора было совершено восемь покушений. Последнее из них, состоявшееся 1 марта 1881 года, стало для царя-освободителя роковым.

* * *

Либералы всех мастей, включая сюда и значительную часть высшей бюрократии, приободрились. Чужими руками они хо-

тели загрести главный куш — конституцию или, используя политический жаргон того времени, «увенчание здания». Злые языки даже утверждали, что интригой руководил великий князь Константин Николаевич. Ситуация складывалась критическая. Было важно, какие силы смогут воздействовать на нового императора — Александра III. Победу, как известно, одержало консервативное крыло, чьим идейным вожакom выступил обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). Важную поддержку ему оказали два влиятельнейших консервативных публициста эпохи — М. Н. Катков и И. С. Аксаков. Совместными усилиями они убедили царя издать манифест, в котором провозглашалась незыблемость самодержавия. Либеральная камарилья потерпела поражение, и ее вожди (М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, А. А. Абаза) были вынуждены подать в отставку.

Конституционалисты еще какое-то время продолжали свою возню, надеясь, что власть «одумается», пойдет у них на поводу. Великолепное описание этой ситуации дал в брошюре «Конституционалисты в эпоху 1881 года» (1895) Л. А. Тихомиров. Окончательно эти надежды были развеяны назначением в 1882 году министром внутренних дел графа Д. А. Толстого. Характеризуя его, Л. А. Тихомиров писал, «граф Толстой имел, несомненно, руку тяжелую, которая больно била, когда он считал это нужным. Но это был ум истинно государственный, вполне понимавший, что для возможности дальнейшего развития страны необходимо прежде всего уничтожить всякие попытки государственного переворота, откуда бы они ни шли»*.

«Правительство возвращается», — подытожил ситуацию М. Н. Катков. Стало ясно, что Александр III твердо намерен сохранить самодержавие. Начиналась эпоха контрреформ. Был наведен порядок в сфере печати, закрыты издания, подрывающие устои Российского государства («Отечественные записки», «Голос», «Страна»). Произошли изменения в правовой сфере, включавшие в себя ограничение судебной гласности и сужение круга действий суда присяжных (такие вопиющие решения, как оправдание В. Засулич, в новое царствование были невозможны). Сословное земство было поставлено в зависимость от адми-

* http://dugward.ru/library/tihomirov/tihomirov_konstitucionalisty.html
(дата обращения: 15.09.2015).

нистрации (положение от 12 июня 1890 года), подобные меры коснулись также городских дум и управ (положение от 11 июля 1892 года). Определенные ограничительные меры были приняты и в образовательной сфере: университетский устав 1884 года ликвидировал автономию университетов, отменялась выборность ректоров, деканов, профессоров и т. д.*

Какие же соображения двигали императором и его ближайшим окружением? Во-первых, по самой своей природе парламентаризм базировался на идее разделения властей. Если на Западе, путем проб и ошибок, определенный баланс этих властей был найден, то в наших условиях подобное разделение было чревато полным коллапсом государственных институтов и крушением самой Империи. Времени на эксперименты не было — вспомним, что в конце XIX столетия европейские страны начинают усиленно готовиться к масштабному военному конфликту. В условиях, когда правая рука не знает, что делает левая, эта война была бы проиграна, еще не начавшись. Забегая вперед, заметим, что именно Думы начала XX века несут огромную долю ответственности за слабую подготовку страны к Первой мировой войне (см. работу И. Л. Солоневича «Миф о Николае II», помещенную в данном издании). Разумеется, германские власти не могли не учитывать это, развязывая мировую бойню.

Еще одной опасностью, угрожавшей России, как и любому многонациональному государству, был национализм, который расцветал в XIX столетии в Европе. Парламентаризм узаконивал притязания националистов и тем самым расшатывал устои вековых империй. «Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживаются лживость и непрактичность парламентского правления. <...> Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание

* Кого-то эти меры могут возмутить, но вспомним, что либеральная профессура российских университетов, когда ей давали свободу, выступала в роли настоящих инквизиторов, когда речь шла об их коллегах, придерживавшихся консервативных воззрений. Провалить диссертацию неугодного, именно по политическим мотивам неугодного, коллеги было обычным явлением. С этим сталкивались многие консервативно настроенные преподаватели высшей школы (Б. В. Никольский, В. Д. Катков и др.).

иметь свое самостоятельное управление со своею, нередко мнимою, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, но и с теми, которые никогда не жили особою политическою жизнью» *. Пример Австро-Венгрии, которую разваливал национализм многочисленных народов, ее населявших, был перед глазами. Депутаты, представлявшие разные этнические группы, тянули одеяло на себя, нисколько не заботясь об интересах государства в целом.

Еще один довод против парламентаризма связан с тем, что в реальных условиях России конца XIX века парламент представлял бы интересы подавляющего меньшинства населения. Вспомним, что специфика выборного законодательства в Государственные думы начала следующего столетия давала колоссальное преимущество дворянству, буржуазии и интеллигенции. Депутаты, представлявшие эти группы населения, превышали по численности представителей крестьян и рабочих. Соответственно, и обслуживали они в первую очередь интересы своего электората. При этом надо помнить, что законодательство о выборах в Думу принималось в революционной ситуации. Принятое в более спокойных условиях, оно бы носило еще более дискриминационный в отношении большинства населения Российской империи характер.

Учитывая эти обстоятельства, неудивительно, что парламентская атака 1880-х годов провалилась. Слишком ничтожны были силы, заинтересованные в учреждении парламентаризма в России. Силовое же обеспечение, тогда в виде террористов-народовольцев, было сравнительно быстро разгромлено реорганизованной полицией. Власти смогли сосредоточиться на действительно серьезных проблемах. Надо заметить, что правление Александра III — важнейший этап экономического развития России. Стремительно расширялась сеть железнодорожных путей (в 1891 году началось строительство знаменитого Транссиба), пошла мощная волна индустриализации (в предыдущее царствование большинство промышленных товаров импортировалось), усилиями С. Ю. Витте удалось стабилизировать финансовую систему. Определенные подвижки

* Победоносцев К. П. Государство и Церковь / Сост., предисл., коммент. О. А. Суржик; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. Т. 2. С. 344.

происходили и в социальной сфере. Были изданы обязательные правила об условиях фабричной работы, учреждена фабричная инспекция, ограничен рабочий день для женщин и подростков.

Наконец, необходимо отметить еще один немаловажный момент. За время правления Александра III Россия почти не вела войн, что, признаем, не часто бывало в ее истории. За это благодарные соотечественники нарекли его «Миротворцем». Александр Александрович всячески стремился избегать втягивания вверенной его попечению страны во внешнеполитические авантюры. В то же время должное внимание уделялось двум главным союзникам России — ее армии и флоту. Все крупные европейские державы вынуждены были считаться с этой силой.

Учитывая специфику социально-политического и культурного устройства Российской империи, исключительно важную роль имела идеологическая сфера. В царствование Александра III важнейшей фигурой в этой сфере был К. П. Победоносцев. Его называли «серым кардиналом», связывали с его деятельностью реакционные тенденции в развитии Российской империи. Оппоненты упрекали его в том, что он помешал принятию конституции в 1881 году, внушал своим подопечным (будущим императорам Александру Александровичу и Николаю Александровичу) мысли о божественном происхождении самодержавия, а тем самым уготовил ужасную судьбу династии*. Соратники по правому лагерю также имели свои претензии к обер-прокурору Святейшего Синода. К. Н. Леонтьев, например, считал его не реакционером, не реставратором, а лишь консерватором в узком смысле слова**. В этом с ним был солидарен и Т. И. Филиппов. И. С. Аксаков в письме 1882 года к К. П. Победоносцеву укорял его: «Если бы в те времена спросили тебя — созывать ли вселенские соборы, которые мы признаем теперь

* Милуков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 57.

** «Человек он очень полезный: но как? Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничего не будет. Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор, в самом тесном смысле слова: мороз, я говорю, сторож, бездушная гробница, старая „невинная“ девушка и больше ничего!» (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 196).

святыми, ты представил бы столько основательных критических резонов против их созыва, что они бы, пожалуй, и не состоялись...»*

Противники и даже единомышленники считали, что подобный подход объясняется антропологическим пессимизмом К. П. Победоносцева. Действительно, установки антропоцентризма, столь популярные и у либералов, и в леворадикальной среде, и среди религиозных модернистов, встречали у обер-прокурора Синода полное отрицание. Он сравнивал их с астрономическими воззрениями Птолемея. В статье «Болезни нашего времени», вошедшей в «Московский сборник», Победоносцев указывал: «Разве не впадает в подобную же путаницу новейшая философия, опять от той же грубой ошибки, что человека принимает она за центр вселенной и заставляет всю жизнь обращаться около земли. <...> И когда явится новый Коперник, который снимет очарование и покажет въявь, что центр не в человеке, а вне его, и бесконечно выше и человека, и земли, и целой вселенной?»**

Впрочем, консервативную традицию в царствование Александра III представлял не только К. П. Победоносцев. Именно в это время мы видим начало синтеза консервативных принципов с модернистскими установками, предвосхищающее многие реалии русской истории уже следующего, XX века. Вспомним, например, творческую деятельность Н. Ф. Федорова — основоположника космизма. В его сознании консервативные социально-политические принципы весьма сложным образом переплелись с апологетикой самого радикального научно-технического конструирования. Причем отец космизма ставил перед человечеством, возглавляемым Россией, предельные цели — освоение пространства Вселенной и преодоление смерти. По пути, проложенному Н. Ф. Федоровым, пошла целая плеяда русских мыслителей и ученых. Это во многом предопределило наше первенство в сфере космических исследований.

Другую тенденцию мы обнаруживаем в творчестве К. Н. Леонтьева. Он писал о большей вероятности и желательности осуществления в России социалистического варианта разви-

* К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. В 2-х т. Т. 1. Минск, 2003. С. 284.

** Победоносцев К. П. Государство и Церковь. С. 392.

тия, чем буржуазно-демократического*. Развивая эту мысль, К. Н. Леонтьев понимал социализм как альтернативу либеральному пути развития. В этой связи он призывал верховную власть возглавить неминуемый процесс. Леонтьеву грезился русский царь в роли императора Константина социалистического движения (своеобразное предвосхищение «народной империи» И. В. Сталина). В любом случае, считал мыслитель, результатом социалистического эксперимента будет возвращение к религии, «пламенной и сердечной мистике». Необходимо заметить, что в социализме его привлекали те моменты, которые оставались вне сферы теоретических интересов представителей народнического и марксистского лагерей. Если марксисты считали социализм экономически более прогрессивным строем, а его русские адепты революционно-демократического и народнического толка рассматривали данный строй как предпочтительный социально, то Леонтьев интерпретировал его как средство, предотвращающее распад социально-политической ткани России на опасном историческом повороте. Его интерпретацию можно назвать политической, причем в рамках религиозного видения мира («политическая теология», используя терминологию К. Шмитта).

Помимо вышеназванных авторов, консервативный спектр интересующего нас периода представлен именами В. И. Ламанского (выдающегося слависта и одного из создателей русской школы геополитики), В. В. Розанова, А. Д. Пазухина, Е. М. Феофтистова. Особое место в этом ряду занимает Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) — идеолог террористов-народовольцев, ставший едва ли не наиболее последовательным теоретиком самодержавия. Жизнь и деятельность Л. А. Тихомирова могли бы стать основой увлекательного романа. Избежав ареста после убийства Александра II, он эмигрировал в Ев-

* Еще в 1882 году Леонтьев писал Т. И. Филиппову: «Истинная революция по существу есть либерализм, эмансипация во всех ее видах, а социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, это есть глубокая вековая, организующая постепенно реакция будущего (и уже недалекого, XIX век кончается!)» (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова. СПб., 2012. С. 233). Эту же идею Леонтьев проводил в целом ряде других мест. См., например, его письма к А. А. Александрову от 17 августа 1889 года и 3 мая 1890 года (Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854–1891) / Публ., предисл., коммент. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 473, 502).

ропу. Там он пережил тяжелый духовный кризис и обращение. Получив прощение от сына убитого императора Александра III, он вернулся в Россию и начал активную публицистическую деятельность. Из-под его пера вышло большое количество книг, брошюр и статей, обосновывавших теорию и практику консерватизма.

Ну и, наконец, надо сказать несколько слов о самом императоре Александре III, чье царствование можно назвать «золотым веком» русского консерватизма. Обратимся к характеристике, данной ему человеком, который вызывал в консервативном лагере весьма сложную гамму эмоций. Речь идет о С. Ю. Витте, занимавшем в последние годы правления Александра III пост министра финансов. В своих «Воспоминаниях» известный управленец писал: «Император Александр III обладал благороднейшим — мало сказать благороднейшим, — он обладал именно царским сердцем. Такое благородство, какое было у Александра III, могло быть только, с одной стороны, врожденным, а с другой стороны — не испорченным жизнью. И эта неприкосновенность чистоты сердца могла иметь место только при тех условиях, в каких находятся и наследники русского престола и русские цари, т. е. условия, которые не заставляют человека ради своего положения или ради положения своих близких кривить душой и закрывать глаза на то, чего не хотелось бы видеть»*.

* * *

К сожалению, Александр III процарствовал всего тринадцать лет и ушел из жизни в самом расцвете сил. Его наследник был еще слишком молод и явно не готов к столь ответственной роли. Показательно, что большинство выдающихся консерваторов, задававших тон в царствование Александра III, не пережило его. Это с горечью констатировал в своем дневнике Л. А. Тихомиров. Действительно, в конце 80-х — начале 90-х годов этот свет покинули М. Н. Катков и И. С. Аксаков, Н. Я. Данилев-

* Александр III: pro et contra. Личность и деяния императора Александра III в оценках отечественных мыслителей и исследователей. СПб., 2013. С. 373. Кроме того, необходимо помнить характеристики, данные Александру III видными деятелями консервативного лагеря — К. П. Победоносцевым, В. И. Ламанским (см. наст. изд.), Л. А. Тихомировым и др.

ский и К. Н. Леонтьев, граф Д. А. Толстой и А. Д. Пазухин. Из представителей «старой гвардии» остался лишь К. П. Победоносцев, который продолжал играть важную роль и в первую половину царствования Николая II.

Ряды консерваторов, впрочем, пополнила новая плеяда выдающихся мыслителей. Помимо Л. А. Тихомирова и В. В. Розанова, чьи наиболее значительные работы увидели свет уже в XX веке, это были Д. А. Хомяков, В. А. Грингмут, Б. В. Никольский. Особо следует сказать о редакции газеты «Новое время», издававшейся А. С. Сувориным. Среди ее сотрудников мы видим того же В. В. Розанова, М. О. Меньшикова, А. А. Столыпина (брата премьер-министра) и совсем еще молодого И. Л. Солоневича. «Новое время» твердо отстаивало русские интересы по всем вопросам внутренней и внешней политики.

Это было более чем актуально, ибо интересы эти постоянно находились под ударами — как со стороны внешних сил, так и со стороны внутренних сил, заинтересованных в ослаблении и даже распаде Российской империи. На начало XX века пришлась неудачная для России русско-японская война 1904–1905 гг., которая привела к революции 1905–1907 гг. Во время последней оппозиционным силам удалось принудить верховную власть издать Манифест 17 октября 1905 года и пойти на созыв Государственной думы. Особую роль в этих событиях сыграл С. Ю. Витте, убедивший царя пойти на уступки. Между прочим, одним из условий своего сотрудничества он поставил немедленную отставку обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который в глазах «общественности» был олицетворением реакции.

Наиболее радикальную часть политического спектра, однако, данные уступки не удовлетворили. Леворадикальные силы (эсеры, различные фракции социал-демократов и др.) пошли на обострение ситуации. Для того чтобы справиться с ними, властям потребовались не только армия и полиция, но и поддержка народа. Ее обеспечили черносотенные организации, наиболее известной из которых был «Союз русского народа», впервые заявивший о себе осенью 1905 года. По подсчетам современных историков, ряды черносотенцев насчитывали в 1906 г. более 400 тысяч членов и по численности они превосходили все остальные политические организации Российской

империи, вместе взятые. Основу «Союза русского народа» составляли крестьяне, мещане и рабочие, а среди его руководителей были видные интеллектуалы: академик А. И. Соболевский, А. С. Вязигин, Б. В. Никольский, В. А. Грингмут, епископ Антоний (Храповицкий) и др.

Для силового давления на революционеров был призван в 1906 г. Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) — сначала министр внутренних дел, а чуть позже председатель Совета министров Российской империи. Опираясь на силовые структуры и черносотенцев, П. А. Столыпину удалось подавить революционные выступления. В качестве альтернативы революции он предложил курс экономических и политических реформ. Аграрная политика П. А. Столыпина предполагала ликвидацию сельской общины и замену ее единоличными хозяйствами. В политической сфере премьер-министр опирался на октябристов, а в дальнейшем способствовал организации партии русских националистов. Основой последней стал Всероссийский национальный союз. Одним из вождей этого направления был думский депутат В. В. Шульгин, а виднейшим идеологом — М. О. Меншиков. Неудивительно, что столыпинские реформы, следовавшие в русле идей либерального консерватизма, поддерживал крупнейший теоретик этого толка — П. Б. Струве. Своеобразным симптомом начавшихся изменений стал знаменитый сборник «Вехи» (1909), авторы которого подвергли резкой критике традиционные установки русской интеллигенции.

Начало было многообещающим, но вот результаты получились прямо противоположными тому, чего ожидал их инициатор. Быть может, если бы эти реформы проходили в более спокойное время, они смогли бы изменить хозяйственный и социально-политический ландшафт Российской империи. В реальности они способствовали резкому расслоению сельского населения и обострению социального противостояния в деревне. Можно сказать, что именно столыпинские реформы содействовали усилению революционной активности масс. Поскольку правые были враждебно настроены к этим реформам, П. А. Столыпин сделал все, чтобы разрушить их организационные структуры. Результатом стала ожесточенная грызня между руководителями черносотенных организаций и серьезная деморализация их рядовых членов. Сложилась парадоксальная ситуация: мно-

гие участники подавления революции 1905–1907 гг. оказались... на скамье подсудимых. Как указывает А. Д. Степанов, «на них обрушилась вся мощь судебной системы государства, которое они защищали от бунтовщиков. И фактически эти люди были предоставлены сами себе. <...> Понятно, что в 1917 году у многих уже не было желания защищать государство, которое не только не гарантировало впоследствии защиты своим защитникам, но структуры которого собственно их и преследовали»*.

Между тем в лице Государственной думы царская власть получила серьезного оппонента, чья разрушительная роль в полной мере сказалась в годы следующего серьезного испытания — во время Первой мировой войны. Трибуна Думы превратилась в настоящую арену борьбы представителей партий, объединившихся в 1915 г. в «Прогрессивный блок» (кадеты, октябристы, «прогрессисты»), с Николаем II и его окружением. Результатом стало свержение самодержавия в феврале 1917 года и приход к власти сил, ориентированных на буржуазно-конституционалистское развитие России. Консервативные силы потерпели сокрушительное поражение. Правда, используя терминологию М. Вебера, русский конституционализм оказался «псевдоконституционализмом», его победа оказалась Пирровой. Запас доверия либералы исчерпали буквально в течение полугода, и когда большевики пошли на штурм Зимнего дворца, где размещалось Временное правительство, то защищать его было некому.

Теперь коснемся теоретических проблем. Парадоксально, но факт — самая фундаментальная работа, посвященная обоснованию самодержавия, была напечатана в разгар революции 1905–1907 годов. Речь идет о «Монархической государственности» Л. А. Тихомирова, чьи четыре части увидели свет летом 1905 года. В этом труде автор проследил развитие монархического принципа в Риме и Византии, но особенно подробно остановился на специфике русского самодержавия. В своих работах Л. А. Тихомиров также уделял важное место решению социальных проблем. В качестве специалиста по рабочему вопросу он даже являлся консультантом П. А. Столыпина.

Особое место в эту эпоху занимают труды правоведов, кото-

* Степанов А. Д. Последние рыцари последнего царя // Правая Россия. Биография деятелей монархического движения начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015. С. 21.

рые занимались теоретическим обоснованием самодержавия. Среди них необходимо назвать В. Д. Каткова, П. Е. Казанского (автора фундаментального труда «Власть Всероссийского императора», 1913) и Н. А. Захарова (из-под его пера вышла работа «Система русской государственной власти», 1912). Произведения правоведов-консерваторов заполнили важную брешь, существовавшую в отечественной юридической литературе. Продолжая традиции русского консерватизма предыдущего столетия, они показывали специфику правовых отношений в России, их принципиальное отличие от порядков западноевропейских. В брошюре «О русском самодержавии» (1906) В. Д. Катков писал, что «не по платью растет человек, а платье шьют сообразно росту его организма. Учреждения страны не навязываются ей, а растут в зависимости от особенностей ее жизни»*.

Представители либеральной профессуры действовали прямо противоположным образом. Они, как правило, предпочитали писать о чем угодно, только не о традициях русской государственной модели. Если же объектом исследований представителей этой почтенной корпорации становилась русская история, то профессора пытались понять ее на основе западных образцов. Классический пример подобной фальсификации дает нам труд Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» (1907). В полном противоречии со всеми историками XIX столетия он «открывает» русский феодализм, подгоняя материал отечественной истории под схемы западной историографии. Любопытно, что Н. П. Павлов-Сильванский был видным деятелем кадетской партии, но при этом использовал методологию марксизма. Подобное относится и к его товарищам по партии, труды которых посвящены русскому консерватизму. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, С. П. Мельгунов, как с живыми, боролись с видными фигурами отечественного консерватизма эпохи Александра I и Николая I. В них они видели предшественников своих политических оппонентов из «Совета объединенного дворянства» и «Союза русского народа». Эти исторические фальсификации призваны были обосновать притязания русской буржуазии и выражавших ее интересы партий на власть.

* http://az.lib.ru/k/katkow_w_d/text-1906-o-russkom_samoderzhavii.shtml (дата обращения: 24.10.2015).

* * *

Революционные события 1917 года и последовавшей за ними Гражданской войны провели важную линию водораздела русской истории. Религиозно ориентированные современники осмыслили происходящие события в апокалиптических тонах. Отсюда — «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова или сборник «Из глубины», подготовленный группой философов-идеалистов. В близком духе события эпохи осмыслили и многие деятели русской культуры, находившиеся по другую сторону баррикад. Если говорить о социально-политических аспектах Гражданской войны, то перед нами — столкновение двух революционных проектов. Один из них («белые») носил либеральный характер, другой («красные») — социалистический. Консерваторам в этой борьбе самостоятельного места не нашлось.

Значительная часть старой элиты оказалась в эмиграции, где попыталась найти объяснение происшедшему. Вот как ситуация виделась в 1924 году С. Л. Франку: «С того момента, как рухнула монархия, эта единственная опора в народном сознании всего государственно-правового и культурного уклада жизни, — а она рухнула в силу крушения в народном сознании религиозной веры в „Царя-Батюшку“ — *должны были* рухнуть в России все начала государственной и общественной жизни, ибо они не имели в ней самостоятельных основ, не были сами укоренены в духовной почве. Русский народ потерял исконную цельность религиозной веры, он оторвался от старого и почувствовал, как Илья Муромец, тридцать три года пролежавший на печи, потребность расправить свои силы, пожить самочинно, стать самому хозяином своей жизни; но он не обрел и не мог обрести никакой новой положительной веры и потому обречен был впасть в чистый нигилизм — отречься от родины, от религии, от начала собственности и труда»*.

Неудивительно, что рано или поздно народ опомнится и вернется к старым ценностям. Говоря о послереволюционной эмиграции, нельзя забывать, что первые годы своего пребывания на Западе русские эмигранты провели на чемоданах — в ожидании скорой реставрации. Надежды возлагались на армию

* Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. 1991. № 3. С. 71.

(значительную часть командного состава Красной Армии составляли бывшие царские офицеры), на НЭП, на работников советского аппарата из «бывших», на перерождение партийного руководства. Ну а когда реставрация произойдет, то кого, как не их, «соль Русской земли», пригласят исправлять ситуацию. В ожидании этого создавались всевозможные проекты и программы будущего обустройства России. Практически все они предполагали реставрацию дореволюционных реалий: частной собственности, социальной иерархии, государственной церкви и даже монархии. В этом отношении весьма показательны труды одного из крупнейших политических теоретиков эмиграции — Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Подобные проекты разрабатывались и в Советском Союзе. Весьма характерна в этом отношении работа П. А. Флоренского «Предполагаемое государственное устройство в будущем» (см. наст. изд.).

Но годы шли, а власть большевиков только усиливалась. Окончательный удар по планам белой эмиграции был нанесен победой Советского Союза во Второй мировой войне. Но наиболее проникательные авторы поняли это раньше, так что значительная часть их творческой активности оказалась направленной на осмысление прошлого. Помимо мемуаров, это была историография. Из представителей интересующего нас направления в наибольшей степени в этом преуспели либеральные консерваторы — П. Б. Струве, С. Л. Франк (см. их работы в данном издании), И. А. Ильин. В трудах этих авторов мы обнаруживаем интересную и концептуально оформленную историю отечественной мысли, хотя, разумеется, далеко не со всеми их положениями можно согласиться.

Что же способствовало тому, что большевики не просто удержали власть, но и превратили возглавляемую ими страну в сверхдержаву? Споры вокруг судеб революции заняли все первое десятилетие советской власти. Не конкретизируя их, отметим, что первоначально это были споры о мировой революции и роли России в ней, затем речь шла о возможности построения социализма в одной стране, и, наконец, последовала борьба сторонников индустриализации и коллективизации со сторонниками «правого уклона». Итогом этих споров стала победа Иосифа Виссарионовича Сталина (1879–1953) и его группы. При этом нельзя упускать из виду, что И. В. Сталин был поддержан

не только активистами правящей партии, но и большинством населения страны.

В 1930-е годы под руководством И. В. Сталина осуществляется форсированная модернизация СССР, превратившая отсталую страну, с экономикой, не восстановившейся после ряда войн, в одного из мировых лидеров. Дадим слово человеку, которого трудно заподозрить в симпатиях к сталинскому режиму. Выдающийся экономист В. В. Леонтьев писал: «В эпоху Сталина коммунистические руководители были заняты выполнением беспрецедентной задачи по превращению с буквально головокружительной быстротой технически отсталой, преимущественно крестьянской страны в индустриальную военную державу, нацеленную на дальнейший экономический рост»^{*}.

При этом И. В. Сталину и его сподвижникам приходилось преодолевать не только объективные препятствия (слаборазвитую экономику, враждебное отношение капиталистических государств и т. д.), но и препоны идеологического характера. Речь идет о марксистской ортодоксии, которая прямо не предусматривала то, что произошло в России. В рамках этой концепции социалистическая революция должна была произойти не в отсталой России, а в странах развитого капитализма. Ни о каком построении социализма в отдельной стране в рамках классического марксизма не может быть и речи. Государство, в условиях социалистического общества, должно отмереть. То же относится и к национальной специфике. Все эти благоглупости Сталину тыкали его оппоненты-начетчики из представителей «старой гвардии» (от Л. Д. Троцкого до Н. И. Бухарина). И все эти начетчики были посрамлены успехами сталинской политики.

Важнейшая точка расхождения между Сталиным и его оппонентами касалась проблемы государства. Конечно, никто из большевистских вождей не требовал немедленной отмены государства. В этом была принципиальная разница между установками марксистов и анархистов (одна из ранних сталинских работ была посвящена данной тематике). Другое дело, что на место государства и его институтов (судебной системы, силовых структур и т. д.) претендовала коммунистическая партия — совершенно новый феномен политической истории. Эта партия,

^{*} Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 217.

организованная по образцу государственных структур, сыграла важную роль в захвате и удержании власти, но для целей модернизации страны необходим был более действенный инструмент. И. В. Сталин понимал, что в качестве такого инструмента должно быть задействовано именно государство. Показательно, что в 1920–1930 гг. роль государства необычайно усиливается и в западных странах (Германии, США), отчаянно боровшихся с сильнейшим экономическим кризисом.

Партийные бонзы, привыкшие к всевластию и бесконтрольности, всячески противодействовали сталинскому замыслу. Они саботировали необходимые стране решения, вставляли палки в колеса стремительно развивавшейся стране. И. В. Сталин и его окружение попытались избавиться от партийной номенклатуры мягким способом. После принятия в 1936 году в СССР новой Конституции предполагалось проведение выборов на альтернативной основе в органы власти. Партийные руководители, почувствовав, что почва уходит у них из-под ног, ответили на это провокациями и инициировали борьбу с «врагами народа». Таковы истоки «Большого террора»*. В ходе этого террора погибло большинство старых партийных руководителей, расчистив тем самым дорогу новым кадрам — значительно более подготовленным для руководства огромной страной, стоящей на пороге судьбоносных испытаний.

Главную роль в успехе И. В. Сталина и его курса сыграла народная поддержка. И вот здесь отметим одно существенное обстоятельство. Основу рабочего класса царской России и начального периода существования Советского Союза составляли старообрядцы-беспоповцы, принадлежавшие к различным толкам. До революции среди них были сильны черносотенные настроения, но одновременно широкое распространение получило неприязненное отношение к эксплуататорским классам и официальной церкви. Это, кстати, во многом объясняет репрессии против Русской православной церкви, последовавшие в ходе Гражданской войны и в последующие годы. Именно массовый приток в ВКП(б) рабочих, проходивший в 20–30-е годы,

* См.: Миронин С. С. Сталинский порядок. М., 2007; Романенко К. К. Сталинский 37-й. Лабиринты кровавых заговоров. М., 2007; Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003 (6-е изд. — 2010); см. также другие книги названных здесь авторов.

способствовал национализации партии, выталкиванию на обочину инородцев, составлявших большинство партийного руководства в первые годы советской власти*. Именно такая партия смогла стать остовом, скреплявшим многонациональную державу.

При этом надо учитывать, что в 30-е годы центром управления экономикой становится правительство, а не партия. Из-под контроля партийных структур уходят хозяйственные органы. Данную меру объясняют тем, что партийные функционеры не могут разобраться в хитросплетениях современного производства. На первый план в руководящих органах Советского Союза выходят молодые технократы, их средний возраст — 35 лет (вспомним Г. М. Маленкова, Д. Ф. Устинова, В. А. Малышева и др.), причем в большинстве своем это были русские и выходцы из старообрядческой среды. Логическим завершением этого процесса становится принятие И. В. Сталиным поста Председателя Совета народных комиссаров, произошедшее буквально накануне начала Великой Отечественной войны. Толчка, который был дан в сталинскую эпоху, хватило не только для победы в этой войне, но и еще на несколько десятилетий существования СССР. Можно даже сказать, что по сей день мы пользуемся его благами.

Один из главных партийных идеологов, Н. И. Бухарин, отличавшийся редкостной русофобией, в 30-е годы был занят конструированием новой общности — «советского народа». В этой общности, по замыслу автора идеи, занимавшего пост ответственного редактора «Известий», должны раствориться все национальности Советского Союза. Эти домыслы Бухарин разбавлял изрядной дозой русофобии. Поезд, впрочем, уже ушел. Бухарину ответила «Правда» — главный печатный орган СССР, в редакционной статье которой «Об одной гнилой кон-

* Говоря об идеологии сталинской эпохи, А. В. Пыжиков, быть может несколько преувеличивая, пишет: «О возведении подобных патриотических воззрений в ранг государственной политики, в свое время не могли мечтать и такие апологеты патриотизма, как М. Н. Катков и К. П. Победоносцев. При самодержавном строе никто не позволил бы им развернуться во всю патриотическую удаль. А при Сталине, в условиях господства космополитического марксизма, мощно спрессованная патриотическая доктрина обрела явь!» (Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М., 2015. С. 192–193).

цепции» (10 февраля 1936) его инсинуации получили отповедь. Любопытно, что концепт «советского народа» вспомнили уже в брежневскую эпоху, обозначенную ее идеологами в качестве эпохи «развитого социализма». Автора этой идеи, однако, тогда не реабилитировали.

Вместо этих домыслов И. В. Сталин предпочитал иметь дело с конкретными народами, и в первую очередь с народом государствообразующим — русским. Русские провозглашались самым передовым народом Советского Союза. Причем для обоснования этого тезиса привлекались аргументы как из области культуры (достаточно вспомнить настоящий культ А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого), так и из недавней истории. Не случайно, что именно русский народ возглавил революционную борьбу за идеалы Октябрьской революции. Бухаринскому нигилизму в отношении национального своеобразия И. В. Сталин противопоставил концепт русского народа как «старшего брата» других народов огромной страны. Перед нами очень интересная попытка ответить на поставленную еще графом С. С. Уваровым проблему «народности». Данная установка достигла своего пика во время Великой Отечественной войны и после ее победоносного окончания («Выступление товарища И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии (24 мая 1945 г.)» — см. наст. изд., с. 688–689).

Был положен конец всяким экзотическим проектам, которые протаскивали старые партийцы. Вспомним, что в 20–30-е годы велась нешуточная борьба за перевод русского языка на латинский алфавит. Одним из ее вдохновителей был А. В. Луначарский — видный партийный деятель, нарком просвещения СССР. Вот как он мотивировал необходимость данного перехода: «На этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза, как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада. Своими корнями этот алфавит все еще уходит вглубь дореволюционного прошлого»*. Ответом на статью Луначарского был роспуск комиссии по латинизации русской письменности, действовавшей с 1919 года.

* Луначарский А. В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6. С. 36.

Суммируя сказанное, сталинский период можно рассматривать как важный этап развития консервативной традиции в России. Здесь удалось объединить национальную традицию и модерн, что способствовало фундаментальному прорыву в целом ряде областей — экономике, культуре, образовании, науке. Синтез традиции и новаций помог Советскому Союзу/России выстоять в противостоянии со всеми силами объединенной Европы (а не только Германии), обрушившимися на нас 22 июня 1941 года. Без него не произошло бы восстановления народного хозяйства СССР и его превращения в сверхдержаву, успешно осваивавшую ядерные технологии и устремляющуюся в космос.

* * *

Смерть И. В. Сталина в 1953 году дала начало новому этапу в истории нашей страны. На смену «отцу народов» пришло коллективное руководство. Высшие посты, которые занимал И. В. Сталин, оказались разделены: Председателем Совета министров СССР стал Г. М. Маленков, а первым секретарем ЦК КПСС стал Н. С. Хрущев. Очень быстро между участниками коллективного руководства началась борьба, которая закончилась победой партийных функционеров, возглавляемых Хрущевым. Внешне это могло показаться беспринципной борьбой за власть, но на самом деле спор был историческим: выберет ли страна путь, опробованный И. В. Сталиным, или вновь погрузится в пучину революционной романтики. В силу целого ряда причин был выбран второй путь. Символическим подведением итогов этой борьбы стал XX съезд КПСС, на котором произошло развенчание «культа личности». Итоги этого стали катастрофическими — как для СССР, так и для мирового коммунистического движения*.

Что же способствовало этому повороту, который десятилетие спустя обозначат как волюнтаризм? В какой-то мере это можно

* Среди иностранных гостей съезда был Дэн Сяопин, который с ужасом наблюдал происходящее. Возглавив КНР после смерти Мао, он отказался от разоблачения своего предшественника, хотя успехи «великого кормчего» не шли ни в какое сравнение с достижениями И. В. Сталина. Великий китайский реформатор прекрасно понимал, что сохранение исторической преемственности, несомненно, важнее сиюминутной политической конъюнктуры.

объяснить характером Хрущева — человека весьма вздорного. Также не случайно, что он оказался единственным в сталинском окружении, кто в свое время примыкал к троцкистам. Но все же это не главное. Наиболее существенным нам представляется то обстоятельство, что Хрущев был выразителем интересов партийных функционеров, лишенных многих рычагов управления в сталинскую эпоху. Теперь они брали реванш у технократов, а противостояние Хрущева и Маленкова в этом отношении выглядит символично. Другое обстоятельство в свое время тонко подметил В. В. Кожин. Речь идет о демографическом перекосе населения СССР 50-х годов — преобладании в его структуре молодежи. Молодежь, как известно, быстрее на подъем и легче поддается манипулированию*.

Именно пересечение корыстных интересов партийных аппаратчиков с энтузиазмом молодежных масс породило феномен хрущевского времени, который современники называли «оттепелью», времени, соединившего достижения мирового масштаба (приоритет СССР в деле освоения космоса) с откровенной дурью — вроде повсеместного насаждения кукурузы на территории страны, которая на две трети находится в зоне вечной мерзлоты. Если брать интересующую нас традицию, то для ее функционирования это десятилетие было, пожалуй, самым малопродуктивным в истории XIX–XX веков. Большинство эмигрантских теоретиков уже умерло, а для серьезного развития консервативных идей в Советском Союзе в данное время не было почвы. Правление Хрущева — «золотой век» леворадикальных идей, период, сравнимый лишь с 1920-ми годами. Не случайно, что были возобновлены жестокие гонения на религию. Впрочем, пир леворадикализма закончился горьким похмельем. В 1964 году Хрущев был с позором изгнан со своих постов и отправлен в отставку.

Наступил исторический период, который позднее назовут «эпохой застоя». На самом деле это было весьма противоречивое время, соединившее поступательное развитие экономики с коррумпированием властных структур и девальвацией идейных ценностей социализма. Но оно стало питательной средой для воскрешения традиционных установок русского консерва-

* Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964) (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999. С. 349.

тизма. Годы «застоя» стали временем, когда многие обратились к поискам корней — в сфере истории, искусства и даже религии. Это была пора писателей-«деревенщиков» (Ф. А. Абрамов, В. И. Белов, В. Г. Распутин и др.), «тихой лирики» (названной так в пик «эстрадной поэзии» хрущевской поры), исторических киноэпопей С. Ф. Бондарчука и Ю. Н. Озерова. Это было время создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), сыгравшего важную роль в развитии русского национального сознания. Среди идейных вдохновителей этого общества были художники П. Д. Корин и И. С. Глазунов, писатели Л. М. Леонов и В. А. Солоухин, историк Б. А. Рыбаков и литературовед В. В. Кожинов. Это, наконец, было временем оформления «Русской партии» — неформального объединения национально ориентированных деятелей культуры и интеллектуалов.

Центральной фигурой «Русской партии» и, соответственно, отечественного консерватизма последней трети XX века был Вадим Валерьянович Кожинов (1930–2001) — мыслитель, литературовед и публицист. По собственному признанию В. В. Кожинова, его обращение к консервативным установкам связано с влиянием М. М. Бахтина. В период «оттепели» резко возрос интерес к произведениям Ф. М. Достоевского. Ряд крупных литературоведов, включая и молодого Кожинова, обратился к изучению его наследия. В ходе литературоведческих штудий Вадим Валерьянович не только познакомился с книгой М. М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929), но и с ее автором, который долгие годы жил в Саранске. Благодаря усилиям В. В. Кожинова свет увидели две главные книги великого мыслителя — «Проблемы поэтики Достоевского» (1963) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965). Бахтин, будучи православным человеком, направил своего адепта на путь приобщения к традиционным ценностям. Любопытно, что М. М. Бахтин призывал В. В. Кожинова и его молодых коллег также внимательно изучать наследие В. В. Розанова («Читайте Розанова!»).

В начале статьи мы уже говорили о формировании традиции консервативной историографии в СССР. Роль В. В. Кожинова в этом процессе была центральной. Он был автором ряда работ, посвященных выдающимся представителям русского консер-

ватизма, главной из них стала книга «Тютчев», увидевшая свет в серии ЖЗЛ в 1988 году (несколько лет цензура не давала добро на ее издание). Это, без сомнения, лучшее исследование жизни и творчества величайшего русского поэта и видного представителя консерватизма. Еще раньше в этой же серии вышла книга Ю. И. Селезнева «Достоевский» (1981), в которой рассматривались не только художественные произведения писателя, но и его политические воззрения. Надо заметить, что заведующим редакцией серии «Жизнь замечательных людей» в свое время был С. Н. Семанов — видный представитель «Русской партии». Благодаря его усилиям в серии была выстроена патриотическая линия. Ю. И. Селезнев, находившийся под сильным влиянием В. В. Кожина, также написал книгу «Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя», опубликованную в 1983 г. В этом же ряду можно назвать и другие работы, изданные в 1980-е годы: В. И. Карпеца (об А. С. Шишкове), П. П. Паламарчука (о Г. Р. Державине, И. А. Ильине).

Возвращаясь в 1960-е годы, отметим, что организационно новые консерваторы объединялись вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник», а также ряда ведомственных и провинциальных изданий. Их оппонентами выступали как приверженцы советской ортодоксии, чьим рупором был журнал «Октябрь» (главный редактор — Вс. А. Кочетов), так и «шестидесятники», публиковавшиеся в «Новом мире» (главный редактор — А. Т. Твардовский). Полемика велась очень активно, для ее прекращения власти использовали административный ресурс — А. Т. Твардовский был снят со своего поста, что стало причиной его преждевременной смерти, а Вс. А. Кочетов даже покончил жизнь самоубийством. Досталось и русофилам, на которых ополчился первый заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, опубликовавший в «Литературной газете» в ноябре 1972 года разгромную статью «Против антиисторизма». В ней автор прошелся не только по неоконсерваторам, но и по русской культуре прошлого. Прыть Яковлева, которого позднее нарекут Иудой, не была оценена властями, отправившими пламенного разоблачителя послом в Канаду, что считалось серьезным понижением.

Что же так раздражало в позиции русофилов партийных ортодоксов и либералов? Возвращение к традиционным цен-

ностям, обозначенным в формуле графа С. С. Уварова. Разумеется, учитывая социокультурный контекст советской эпохи, составляющие этой формулы имели неравное освещение в их работах. Прямая апология монархии, конечно, была невозможна, но зато усилился поток художественной и научно-исследовательской литературы, посвященной отдельным монархам (автор этих строк в свое время с большим интересом читал монографии Р. Г. Скрынникова об Иване Грозном и Борисе Годунове). Православию после хрущевских гонений власти позволили спокойно развиваться и хотя, время от времени, раздавались призывы усилить атеистическую пропаганду, но интерес к религиозной тематике криминалом уже не был. Этим пользовались представители интересующего нас направления, чтобы напоминать читателям об историко-культурных традициях.

Естественно, что основной упор русофилами делался на народности. Исторический путь русского народа и его непростое положение в современности — вот что находилось в центре внимания неоконсерваторов. Данный ход был далеко не безопасен. Вспомним, что в брежневскую эпоху был реанимирован концепт «советского народа», сформулированный еще Бухариным. Софициальных трибун провозглашалось, что в эпоху «развитого социализма» сложилась новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель — построение коммунизма. Любые возражения при этом объявлялись националистическими пережитками и подавлялись.

Действительность, конечно, весьма отличалась от провозглашаемых лозунгов. Главную ношу продолжал нести русский народ, который в то же время подвергался негласной дискриминации. Создавая основные материальные блага, русские в результате получали значительно меньше этих благ, чем представители других национальных групп в СССР. То же относилось и к возможности получить высшее образование, занять ответственную должность в национальной республике и т. д. Не вызвала энтузиазма и практика подбора высших управленческих кадров из числа выходцев с Украины, установившаяся при Хрущеве и особенно при Брежневе. Все это, конечно, не могло не раздражать мыслящих людей. Кроме того, нельзя упускать

из виду такое обстоятельство, как своеобразную геронтократию, установившуюся в СССР на рубеже 70–80-х годов. Как пишет современный итальянский исследователь, «страна, находящаяся в авангарде науки, проникнутая самой высокой массовой культурой, какую только знала история, не могла уже, словно несмышленное дитя, жить под опекой карикатурной брежневской автократии»*. Все это создавало благоприятную среду для ожидания серьезных изменений в стране.

В 1985 году эти изменения грянули — в стране началась приснопамятная «перестройка». К власти пришел молодой и энергичный, сравнительно с его предшественниками, руководитель — М. С. Горбачев. Возникла иллюзия скорых и позитивных преобразований. Никто не хотел слушать критиков, которые уже с первых шагов нового генерального секретаря почувствовали неладное. Тревожных сигналов было хоть отбавляй: в ходе кампании по борьбе с пьянством вырубались виноградники, либерализация экономики привела к легализации «теневиков», и, самое страшное, начались межнациональные конфликты, которые железной рукой сдерживала советская власть. Население, увлеченное в волну нового разоблачения сталинского культа (уже третье по счету), старалось всего этого не замечать. И все же кому-то надо было сказать: король-то — голый. Наряду со сталинистами сакраментальную фразу произнесли русофилы. Не случайно, что Горбачев и Яковлев, привлеченный для идеологического прикрытия разрушения СССР, строжайше запретили печатать в подконтрольных им партийных органах именно В. В. Кожина, который блистательно умел на литературном или историческом материале обозначить насущные проблемы современности.

В 1991 году все было кончено. Коммунистическая идеология оказалась дезавуирована пропагандистской машиной той самой партии, которая использовала ее в предыдущие десятилетия; экономика находилась в глубоком кризисе, по всей стране происходили конфликты на национальной почве, и величайшая Империя распалась. Распалась, несмотря на то что на референдуме 17 марта 1991 года подавляющее большинство населения высказалось за сохранение СССР. На его обломках различные

* Канфора Л. Демократия. История одной идеологии / Пер. с итал. и примеч. А. Миролюбовой. СПб., 2012. С. 367.

криминально-олигархические группы производили раздел собственности и перекраивали границы. Русские стали самым большим разделенным народом в мире, так как миллионы соотечественников оказались в границах искусственно образованных государств, подвергаясь там дискриминации и преследованию.

Происшедшее было воспринято представителями неоконсерватизма как крупнейшая историческая и геополитическая катастрофа. В начавшейся политической и идеологической борьбе они были противниками того режима, который установился в Российской Федерации. Критика Ельцина и его окружения, начавшего разрушительные по своим последствиям «реформы», велась практически во всех изданиях, контролируемых патриотами. Особенно выделялась здесь газета «День», редактируемая А. А. Прохановым. Вокруг нее сосредоточились разнообразные оппозиционные силы, представлявшие как левый, так и правый спектр. Эта газета в числе других национально ориентированных изданий была запрещена после кровавой расправы ельцинского режима над законно избранным парламентом в октябре 1993 года. Позднее А. А. Проханов возобновил издание под другим названием — «Завтра».

Благодаря изданиям, редактируемым А. А. Прохановым, возможность выйти на широкую читательскую аудиторию получили представители различных направлений отечественного консерватизма. Одним из них был А. Г. Дугин, развивавший на русской почве идеи европейской «консервативной революции» и «новых правых». Своей основной заслугой А. Г. Дугин считает создание современной русской школы геополитики, развивающей идеи неоевразийства. Показательно, что свой вклад в развитие евразийской концепции внес и В. В. Кожин. Еще один видный автор, публиковавшийся в газете «Завтра», — А. С. Панарин. Он проделал непростой путь от диссидентства в советские годы до апологетики ценностей русского консерватизма. Из-под пера А. С. Панарина вышел ряд работ, посвященных западной консервативной традиции, геополитической проблематике и специфике православной цивилизации.

Но, пожалуй, наиболее уважаемой фигурой среди русских неоконсерваторов 1990-х годов стал митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Его труды, посвященные отече-

ственной религиозной и государственной традиции, вызывали восхищение у патриотически настроенных читателей и злобные нападки со стороны апологетов рыночных «реформ». В беседе с А. А. Прохановым владыка дал свою интерпретацию формулы графа С. С. Уварова: «Нужно иметь в виду, что этот лозунг не плод какого-то произвольного человеческого измышления, а констатация объективного факта того, что гармонично устроенное общество должно сочетать в своей основе три важнейших элемента: духовный, государственный, национальный. <...> Итак, православный духовный фундамент, державная, государственная форма и народ как соборный носитель нравственного идеала — такова универсальная форма гармоничного общественного устройства. И мы никуда от нее не уйдем»*.

1990-е годы стали черным временем в истории России. Помимо экономических испытаний и вызванного ими тяжелого демографического кризиса, они принесли две чеченские войны, разгул криминала, падение международного престижа страны. К концу этого периода до минимума снизился авторитет высшей власти (рейтинг Ельцина колебался в районе статистической погрешности — 1,5–2 %), что в наших условиях чревато еще большими катастрофами. Наконец, во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов ушли из жизни видные выразители национальных идей: митрополит Иоанн, А. В. Гулыга, В. В. Кожинов, А. С. Панарин. Потеря мыслителей такого уровня невосполнима, но все же консервативная традиция на русской почве не только не заглохла, но, напротив, получила новое дыхание. Активно публикуется классика русского консерватизма, выходят новые периодические издания, творчество отечественных консерваторов становится объектом серьезного научного анализа.

Изменение общественных настроений не могло не отразиться на курсе государственной политики. В конце 1999 года, к радости всего населения России, президент Ельцин ушел со своего поста и его место занял новый руководитель — В. В. Путин. Новый президент взял курс на укрепление государственных институтов, возвращение России достойного ее места в мировой политике. Будучи, на наш взгляд, неоднозначной (особен-

* Митрополит Иоанн. Россия — подножие престола Господня // Завтра. 1994. № 10.

но касательно социально-экономического аспекта), политика В. В. Путина все же встречает широкую поддержку населения нашей страны. Враждебное отношение к этой политике со стороны США и других стран НАТО, особенно после возвращения Крыма в состав России, воскресило в памяти многочисленные примеры агрессивной политики Запада. Это, в свою очередь, актуализировало геополитические концепции Н. Я. Данилевского и других выдающихся русских мыслителей-консерваторов. При этом нынешняя власть, устами президента Путина, определяет в качестве духовных ориентиров идеи отечественных мыслителей консервативного толка (Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и др.).

Отметим важный аспект: именно консерватизм разработал язык, способный в наибольшей мере воплотить понятия истории, судьбы, Родины. Все это свидетельствует о том, что отечественная консервативная традиция далеко еще не исчерпала тот потенциал, который в ней заложен.